

естественно наталкивает на рассмотрение больших и широких проблем. Уже вышедшие шесть тетрадей представляют огромную ценность и очень помогают в работе. Следует надеяться, что выход последующих выпусков будет несколько ускорен, так как рецензируемый словарь представляет собой исключи-

тельно квалифицированное, глубоко продуманное, необыкновенно тщательно обрабатываемое и редактируемое и полиграфически безупречное произведение лингвистической лексикографии.

О. С. Ахманова

«Персидско-русский словарь в двух томах». Свыше 60 000 слов. Под ред. Ю. А. Рубинчика. С приложением грамматического очерка персидского языка, т. I—От ٠ до ١٠, 783 стр.; т. II—От ١١ до ١٢, 848 стр. — М., изд-во «Советская энциклопедия», 1970.

Выход в свет нового персидско-русского словаря является крупным событием в советской иранистике и большим достижением советской иранистической школы. По охвату современной и в значительной степени старой лексики, по количеству идиомов, устойчивых фразеологических сочетаний и срощений, важнейших простых и составных терминов из различных областей науки и техники — это один из наиболее полных современных персидско-русских словарей.

В словаре содержится, кроме того, список географических названий (II, стр. 754—772), список личных имен (II, стр. 773—787), современный иранский солнечный календарь хиджры, иранский лунный календарь хиджры, формулы для перевода этих календарей на годы григорианского календаря и формула для перевода лет григорианского календаря на годы лунного календаря хиджры, список денежных единиц Ирана, иранские единицы измерения (II, стр. 788—790). Грамматический очерк, написанный Ю. А. Рубинчиком (II, стр. 791—847), кратко характеризует фонетику и письменность современного персидского языка, его лексику и фразеологию (в числе других заимствований особое внимание уделено арабизмам, приложена таблица арабских причастий и масдаров), а также пути пополнения словарного состава; наиболее обширный отдел очерка составляет морфология. В «Предисловии» (I, стр. 5—16) излагаются принципы, положенные в основу словаря; четко составлен раздел «О построении словаря» (I, стр. 17—22). Приводится библиография важнейших современных персидско-русских и русско-персидских словарей, английских, немецких, а также перечень персидских словарей, в том числе толковых, разговорной и диалектной лексики, словарей фразеологизмов (I, стр. 26—27). В специальном разделе (I, стр. 23—26) изложены принципы транскрибирования, принятые в словаре. В работе над словарем в качестве неизменных консуль-

тантов приняли участие носители персидского языка и большие его знатоки — Амирхизи, Б. Данеш, Г. Гаэмпанах.

Составители словаря исходят из понимания слова как сложной структуры, учитываются все его системные связи. Очень тщательно и продуманно разработаны словарные статьи («гнезда» слов), подробные сведения о принципах расположения слов в гнезде приводятся в разделе «О построении словаря». Правда, в больших словарных статьях, таких как دست (*dāst*) «рука», سر (*sār*) «голова», پا (*pā*) «нога», دل (*del*) «сердце» из-за обилия включенного в них разнообразного материала не всегда можно быстро и легко найти нужное словосочетание или фразеологизм. В ряде случаев подобное словосочетание выносится в самостоятельную словарную статью и одновременно включается в общее гнездо с перекрестной ссылкой.

Особое внимание уделено подаче предлогов и особенно отыменных предлогов. Последние даются внутри «словарной статьи имени, которое употребляется в функции предлога, и выделяются отдельным значением» (I, стр. 12); в предисловии справедливо указывается на трудности, связанные с выделением отыменного предлога и с определением его функций (этот вопрос заслуживает специального исследования).

В виде самостоятельных словарных статей составители выделили множество сложных слов — лексикализованных словосочетаний, образованных по различным моделям: с соединительной гласной, с изафетом или без них. Нельзя не согласиться с составителями в том, что «проблема разграничения сложных слов и словосочетаний, производных слов и сочетаний предлогов с именами еще ждет своего решения во многих языках» (I, стр. 13) — в персидском же языке, как известно, вопрос о границах слова до сих пор еще не разрешен. Во всяком случае, нам представляется, что составители правильно подошли к решению вопроса о

подаче таких словосочетаний в словаре, приводя их дважды — в составе словарной статьи по одному из компонентов и также самостоятельно с отсылкой к гнездовому слову. К такого рода сложным словам относятся *دسته گل* (*dāstəgol*) «букет», *پشت گردان* (*pošt(g)ārdān*) «за-тылок», *پشت گوشفراخ* (*pošt(g)ušfāraḥ*) «лопоухий», *جوجه مشدی* *جوجه فکالی* (*džudžəšfəkoḥli*), (*džudžəšmāšidi*) «пижон; стилига», *دستوپا شکسته* (*dāstəpāšəkəstə*) «испорченный; ломаный (о языке)»; *جوادقبول* (*džəvābqəbūl*) «с оплаченным ответом», *ویلن الدوله* (*vāylən dāvlə*) «бездельник; бродяга» и др.

В рецензируемом словаре очень богато представлена (с соответствующими пометами) разговорная, а иногда и диалектная лексика, которая за последнее двадцатилетие широким потоком хлынула в язык художественной прозы и прессы, причем многие из этих слов, словосочетаний и особенно фразеологизмов до сих пор не включались в персидско-русские словари. Среди этой лексики привлекают внимание слова с яркой экспрессивной окраской, построенные путем сочетания форм повелительного наклонения одного и того же или двух глаголов или же имени существительного (прилагательного) с формой повелительного наклонения глагола. Подобные образования часто встречаются в произведениях современных писателей, и правильное их толкование в словаре, несомненно, окажет большую помощь для понимания языка современной литературы. Приведем примеры: *بگو نگو* (*bəgūnəgū*) «спору; разногласия», *بگیر بگير* (*bəgīrbəgīr*) разг. «облава; массовые аресты; репрессии», но также: «руки загребушие» (последнее в словаре пропущено); *میرزا انویس* (*mirzābən'āvis*) «писака», но также «писарь; писец» (эти значения пропущены в словаре); *پول* (*pūlbəgīr*) «взяточник; вымогатель», *بگير* (*pūlbəgīr*) «ничтожный; скромный», *کجدار و مریز* (*kādjdaroməriz*) «умеренно; осторожно; разумно». Подобного типа сложные слова могут выступать в любой синтаксической функции, но лишь некоторые из них включены в ранее изданные персидско-русские словари. В рецензируемый словарь вошли и другие типы лексикализовавшихся грамматических форм, например причастия прошедшего и настоящего времени глагола (в том числе — и сложно-именных глаголов).

Составители стремились придать словарю характер нормативного для современного персидского языка. Этой цели служат стилистические пометы, которыми снабжены многие слова: бранное, вежливое (кстати, на формы вежливости, играющие важное значение в персидском языке, обращено специальное внимание в «Грамматическом очерке» — см. II, стр. 824—825), диалектное, книжное и

т. д. (довольно сложная система помет представлена в «Списке условных сокращений» — I, стр. 28—29).

В целом составители словаря успешно преодолели многие из трудностей и в вопросах отбора лексики, определения границы слова, словосочетания, особенно если учитывать сложность персидской графики. Наши критические замечания связаны главным образом с пропуском в словаре ряда слов, встречающихся в современной художественной литературе, а также с неполнотой толкования некоторых слов. В словаре отсутствуют такие слова, как *لنجره کشی* (*lāndžərekāši*), *کاسی* (*kas*), *پَرکی* (*pārki*), приводится сокращенное слово *кāl* от *кербелāи*, присоединяемое к имени собственному, но отсутствует другое сокращение от этого же слова — *кālб*. Слово *قلعه* (*kal'a*) переводится только как «крепость; форт; citadelle», (т. е. так же как и в других ранее изданных словарях), но пропущено значение «укрепленная деревня» (ср., например, в рассказе С. Хедаята «Женщина, потерявшая мужа») ¹.

В произведении современного персидского прозаика и этнографа Джалал Ал-е Ахмада «Модире мадрасе» («Директор школы»), например, имеются различные слова и словосочетания, которые не нашли отражения в словаре или объяснены недостаточно полно: *черāге айнбури* «калильная лампа» (в словаре находим только *аймбури* «ажурный, сетчатый»), *ахде бук* «стародавние времена», *hāggē sofre* «подношение учителю в форме угощения». Для *дадгостāри* недостаточно приводить значение «юстиция; правосудие» (как и в других словарях), следовало дать также «орган юстиции; отдел юстиции»; *митинг дадāн* значит не только «устраивать митинг» (так в ранее изданных словарях), нужно привести и другие значения: «провести собрание; обратиться с речью». Эти примеры можно, конечно, значительно умножить, и, несомненно, каждый, кто пользуется этим словарем (как, впрочем, и любым другим словарем), найдет и другие пропуски или неточности. Ограничимся еще одним любопытным примером.

Слово *نخل* (*nāḫl*) хорошо известно как «пальма финиковая», другого значения ни рецензируемый словарь, ни другие словари не дают, не приводится также словосочетание *ālamāte ba nāḫl*. Из перевода В. Г. Тардовым романа М. Каземи «Страшный Тегеран» на русский язык ясно, что *ālamāte ba nāḫl* — «знамя в религиозной процессии» («Люди, готовые из-за грошей, из-за всякого пустяка, вро-

¹ См.: А. З. Розенфельд, Qal'a (kal'a) — тип укрепленного иранского поселения, «Советская этнография», 1951, 1.

де спора, чье знамя в религиозной процессии должно быть впереди, прикончить друг друга ...»² В недавно опубликованной статье С. М. Марр «Мохаррам (шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов)» имеется описание этого культового знамени с намерением («то ли „священная пальма“, то ли „лучезарная гробница“»)³.

По-видимому, составители вообще не использовали богатейшую картотеку персидско-русского словаря Ю. Н. Марра, в собирании которой принимали участие С. М. Марр и другие иранисты. Эта картотека включает большое количество названий реалий повседневного персидского быта и в своем роде является уникальной⁴. Между тем, эта картотека вовсе не упоминается в «Предисловии» к рецензируемому словарю.

Хотя среди источников, в той или иной мере использованных при составлении словаря, и упоминается «картотека росписи персидской литературы, проводив-

шейся научными сотрудниками Института востоковедения АН СССР М. Н. Боголюбовым, А. З. Розенфельд, О. И. Смирновой и А. А. Завистовичем в 1950—1952 гг.» (I, стр. 8), однако эти сведения неполные. Здесь не назван руководитель работы над персидско-русским словарем перед реорганизацией Института востоковедения покойный чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман, по инициативе и при участии которого была разработана инструкция для составления первичных карточек и список произведений современной персидской литературы для экскерпирования⁵. Среди тех, кто расписывал персидскую литературу, были также и А. Т. Тагирджанов, покойный Ю. П. Верховский и другие лица.

В целом же персидско-русский словарь, подготовленный коллективом сотрудников словарного сектора Института востоковедения АН СССР под руководством Ю. А. Рубинчика, является значительным научным достижением.

А. З. Розенфельд

² М. К а з е м и, Страшный Тегеран, пер. с персидского В. Г. Тардова, М.—Ташкент, 1934, ил. 1.

³ Сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970, стр. 361.

⁴ Был опубликован всего лишь один выпуск этого словаря: Ю. Н. М а р р, Документированный персидско-русский словарь, вып. 1, от 1 до 13, Тифлис, 1934 (литограф.). См. также: Н. В. Е л и с е в а, Архив ираниста Ю. Н. Марра (1893—1935), сб. «История, культура, язык народов Востока», М., 1970, стр. 63.

⁵ См. об этом.: «Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР», дело Ф-152, Иранский сектор, опись, лист 33. Там же зафиксировано, что на заседании Иранского сектора 14 апреля 1950 г. было прослушано сообщение заведующего этим сектором А. А. Фреймана «О методике словарной работы». В хранящемся в этом же архиве черновике записки, датированной 1951 г., А. А. Фрейман совместно с М. Н. Боголюбовым названы редакторами будущего словаря, объем которого определен в 40 тыс. слов.